

Меч опустился на его даньтянь. Эмоции И Хуэя бушевали, и чувство невыносимой муки чуть не заставило его потерять сознание в тот же миг.

Цзи Чжайсин тихо произнес:

— Ты проиграл.

— Будешь ли ты продолжать его защищать?

Это, вероятно, был самый мрачный момент в жизни И Хуэя.

В его смятении он даже подумал, что Цзи Чжайсин собирается убить его.

К счастью, этого не произошло. Цзи Чжайсин не мог убить старейшину с Золотым ядром на глазах у стольких людей.

Хотя И Хуэй был уверен, что он способен на это.

Даже в такой ситуации у И Хуэя не было никаких оснований для высокомерия. Его голос звучал слегка хрипло, и он лишь тихо произнес:

— Пусть истинный господин Цзи решит мою судьбу.

Домен меча рассеялся.

Пин Цзюйшао был на грани безумия. Он не мог поверить, что его учитель проиграл. Когда он увидел, что Цзи Чжайсин направляется к нему, он не стал умолять о пощаде, а с ненавистью потребовал, чтобы Цзи Чжайсин убил его.

В конце концов, для монаха разрушение даньтянь было хуже смерти.

Но на лице Цзи Чжайсина не было ни следа жалости или сомнения.

Он не колебался.

Пин Цзюйшао, почти в бреду, выкрикнул:

— Твоя Секта Юйшуй собирается враждовать с Путем Цзинхуа?

У И Хуэя уже не было сил, иначе он бы снова ударил Пин Цзюйшао, чтобы тот замолчал.

Взгляды других монахов были направлены на И Хуэя, словно обжигая его, лишая всякого

достоинства обладателя Золотого ядра.

Цзи Чжайсин оставался невозмутимым.

Его выражение было спокойным, словно он просто выполнял обычное дело.

Взмахнув рукой, он направил поток истинной энергии в даньтянь Пин Цзюйшао, который, словно лезвие, начал разрывать его изнутри, как он это сделал с Ци Байшанем.

В воздухе распространился отвратительный запах.

Цзи Чжайсин на мгновение остановился, его взгляд задержался на ране Пин Цзюйшао, изучая ее.

Из раны Пин Цзюйшао вытекало что-то сухое, похожее на размытую человеческую фигуру, черная полужидкая субстанция длиной не более ладони.

Сейчас настроение И Хуэя было немногим лучше, чем когда он узнал, что Цзи Чжайсин на стадии Золотого ядра.

Монахи, обладающие острым зрением, увидели эту странную картину и начали обсуждать.

— Что это за мерзость вытекает из его даньтяня?

— Меня чуть не вырвало от этого зрелища...

Лицо Пин Цзюйшао стало деревянным. Он попытался остановить то, что вытекало из его раны, но, коснувшись этого, его рука превратилась в кость, хотя он, казалось, этого не замечал.

Испытание меча в лесу Ханьлинь завершилось всего после одного поединка.

Однако, несмотря на это, последующий бой обладателей Золотого ядра стал для многих монахов редкой возможностью получить новые знания, и они считали, что не зря пришли сюда.

Цзи Чжайсин направился в медицинский павильон Секты Бумэн, сопровождаемый двумя старейшинами с Золотым ядром — одним из Секты Бумэн, а другим — И Хуэем.

Старейшина И Хуэй всю дорогу не переставал говорить.

Он то благодарил, то извинялся, иногда бросая злобные взгляды на Пин Цзюйшао.

Состояние дантяня Пин Цзюйшао было настолько очевидным, что даже слепой не мог его не заметить. После применения Техники захвата души выяснилось, что он использовал секретный метод, заключающийся в том, чтобы вживлять тела других монахов в свой дантянь, чтобы забирать их силу и таланты.

Пин Цзюйшао вживил в себя одиннадцать человек. Он не был демоном, но был хуже любого демона. Поскольку он выбирал учеников с потенциалом, но из бедных семей, за все эти годы это так и не было раскрыто.

Это был грандиозный скандал. Неудивительно, что репутация Пути Цзинхуа надолго будет подорвана.

И Хуэй с трудом сдерживался, чтобы не убить Пин Цзюйшао на месте, а вместо этого приказал доставить его в Путь Цзинхуа, чтобы выяснить все детали этого дела и уничтожить все следы.

Что касается Цзи Чжайсина, который раскрыл это дело, И Хуэй не мог позволить себе показать гнев, ведь он был учителем Пин Цзюйшао и уже был замешан в этом. Если бы люди начали подозревать, что это он или даже Путь Цзинхуа стояли за этим чудовищным поступком, это окончательно разрушило бы их репутацию.

Кроме того, И Хуэй хотел наладить отношения с Цзи Чжайсином, ведь враждовать с ним было бы крайне неразумно.

Цзи Чжайсин оставался спокойным и невозмутимым, несмотря на благодарность и извинения И Хуэя.

На самом деле, в тот момент он чувствовал некоторую растерянность.

Хорошо, что он не использовал меч.

С такими мыслями Цзи Чжайсин прибыл в медицинский павильон.

Ранение Ци Байшаня было серьезным.

Даже убийство Пин Цзюйшао не могло компенсировать причиненный ему ущерб.

Цзи Чжайсин сидел у кровати, опустив глаза, видимо, что-то обдумывая. Старейшина И Хуэй, как учитель виновника, благоразумно молчал.

Ци Байшань всегда был шумным и активным в присутствии Цзи Чжайсина, но теперь его тишина была совсем не к месту.

Лекарь объяснил:

— Товарищ Ци все еще без сознания, его тело пытается собрать духовную силу для восстановления духовного алтаря. Но поскольку его даньтянь поврежден, собрать духовную силу крайне сложно...

И Хуэй спросил:

— Нужно ли дать ему Пиллюлю Ваньлин?

Лекарь с сомнением ответил:

— Вряд ли это поможет. Товарищ Ци без сознания и не может усвоить пиллюлю.

Цзи Чжайсин спросил:

— Скажите, что нужно сделать.

Лекарь ответил:

— Если он сможет принять эссенцию крови монаха на стадии Заложения Основы, это может его пробудить.

Эссенция крови — это кровь, наполненная истинной энергией, которая, попадая в организм, сразу превращается в духовную силу. Ее можно принимать даже в бессознательном состоянии, но это наносит некоторый ущерб донору.

На самом деле, Цзи Чжайсин в Павильоне Канонов Секты Меча Минлин видел несколько пиллюль, которые действовали как эссенция крови, но их эффект был намного лучше, чем у простой эссенции. Однако сейчас их было не успеть создать. Поэтому он спросил:

— Подойдет ли эссенция крови монаха на стадии Золотого ядра?

Лекарь был крайне удивлен и даже запнулся:

— Конечно, это было бы даже лучше...

И Хуэй был шокирован, подумав, что Цзи Чжайсин хочет, чтобы он отдал свою кровь.

Эх, его уровень. С тяжелым сердцем И Хуэй, не дожидаясь, пока Цзи Чжайсин попросит, сам предложил:

— Тогда возьмите мою.

Цзи Чжайсин бросил на него беглый взгляд.

Почему-то И Хуэй почувствовал в этом взгляде легкое презрение.

Цзи Чжайсин сказал:

— Я сделаю это.

И Хуэй:

— Истинный господин Цзи, не стоит стесняться...

Цзи Чжайсин слегка опустил глаза:

— Мой младший брат не захочет.

И Хуэй...

Цзи Чжайсин был очень своенравным человеком, подумал И Хуэй. Затем его выставили за дверь.

Но гении всегда имеют привилегии.

Лекарь, дрожа, сказал:

— Однако для того, чтобы взять эссенцию крови обладателя Золотого ядра, моих навыков недостаточно. Позвольте мне позвать моего наставника.

— Хорошо.

Лекарь ушел в соседнюю комнату, чтобы позвать своего старшего, и его почтительные слова доносились сквозь тонкую занавеску. Было слышно, как он почтительно и искренне просил.

Цзи Чжайсин услышал, как тот человек невнятно ответил. Затем раздался звук шагов, и человек откинул занавеску с холодным выражением лица.

Это был знакомый.

Цзи Чжайсин поднял глаза и спокойно произнес:

— Товарищ Жун.

Это был Жун Чжоу.

В мире культивации самые известные лекари происходили из рода Жун. Жун Чжоу, как старший сын семьи, здесь был не случайно.

Цзи Чжайсин подумал, что слухи о том, что лекари из рода Жун повсюду, оказались правдой.

Жун Чжоу по-прежнему был одет в простую белую одежду с коротким мечом на поясе. В отличие от той первой встречи, когда он улыбался мягко и нежно, теперь Жун Чжоу слегка сжал губы, и его выражение было крайне суровым.

Видимо, лекари во время лечения становятся совсем другими людьми.

Жун Чжоу быстро осмотрел раненого и слегка нахмурился, словно не веря своим глазам:

— Ты собираешься лечить его своей эссенцией крови?

В этот момент Цзи Чжайсин уже закатал рукав. Он слегка поднял голову:

— Пожалуйста.

Жун Чжоу слегка сжал губы и снял меч с пояса.

Десять пальцев связаны с сердцем, и эссенцию крови можно извлечь из кончиков пальцев.

Как старший сын рода Жун, Жун Чжоу был не слабым в культивации, но, когда он попытался проткнуть палец Цзи Чжайсина, чтобы взять кровь, его рука дрожала, и лезвие несколько раз скользило, не оставляя ран.

Такие ошибки заставили даже самого Жун Чжоу задуматься, не делает ли он это намеренно, чтобы отомстить.

Несколько неудач подряд, казалось, вызвали у него тревогу, и его дыхание стало горячим, почти касаясь пальцев Цзи Чжайсина. После нескольких неудачных попыток Жун Чжоу поднял глаза на Цзи Чжайсина, и на его лице появился болезненный румянец.

Черноволосый мечник опустил глаза, его выражение оставалось спокойным.

Жун Чжоу сказал:

— Ты порежь руку, а я возьму кровь.

Цзи Чжайсин не стал возражать и согласился:

— Хорошо.

Он взял специальный нож и быстро сделал надрез на пальце. Жун Чжоу прижал холодный палец Цзи Чжайсина и начал произносить заклинание.

<http://bllate.org/book/15565/1385408>